

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель исследования заключается в обосновании эффективности реализации инклюзивного подхода как инструмента снижения дифференциации уровня развития регионов.

Материалы и методы. Методология исследования основана на сопоставлении показателей, входящих в состав индекса инклюзивного развития с параметрами, определяющими экономическую безопасность. На этой основе делается вывод о том, что реализация стратегии инклюзивного роста способствует не только снижению степени неоднородности территориального развития, но и обеспечению экономической безопасности.

Результаты. На основе обширного статистического материала проводится сопоставление регионов Южного федерального округа по показателям валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровню безработицы, коэффициенту демографической нагрузки, численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициенту Джини, децильному коэффициенту и другим параметрам.

Выводы. Показан высокий уровень дифференциации развития территорий, находящихся в границах одного федерального округа. Обосновывается необходимость включения концепции инклюзивного роста в документы, определяющие перспективные направления развития на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: инклюзивный рост, дифференциация социально-экономического развития регионов, человеческий капитал.

P. A. Krasnokutskiy, S. S. Zmiyak, N. V. Volodina

THE INCLUSIVE APPROACH AS A TOOL TO REDUCE THE DIFFERENTIATION LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS (BY THE EXAMPLE OF THE REGIONS OF SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

Abstract.

Background. The aim of the study is to justify the effectiveness of implementing the strategy of inclusive growth as a tool for reducing the differentiation of the level of development of regions.

© 2018 Краснокутский П. А., Змияк С. С., Володина Н. В. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Materials and methods. The methodology of the study is based on a comparison of indicators included in the index of inclusive development with parameters that determine economic security. On this basis, the conclusion is drawn that the implementation of the strategy of inclusive growth contributes not only to reducing the degree of heterogeneity of territorial development, but also to ensuring economic security.

Results. In the work on the basis of extensive statistical material, the regions of Southern Federal District are compared by GRP per capita, life expectancy at birth, unemployment rate, demographic load factor, population with incomes below the subsistence minimum, Gini coefficient, decile coefficient and other parameters.

Conclusions. Conclusions are drawn about the high level of differentiation in the development of territories within the borders of one federal district. The necessity of inclusion of the concept of inclusive growth with the documents defining perspective directions of development at the national and regional level is justified.

Keywords: inclusive growth, differentiation of social and economic development of regions, human capital.

Введение

Одной из существенных внутренних угроз экономической безопасности России на современном этапе является растущая степень дифференциации социально-экономического развития территории. Как отмечают многие исследователи, экономические реформы, проводящиеся на протяжении последних 25 лет, существенно увеличили степень неоднородности развития территорий, что приводит к ряду негативных последствий, в частности к необходимости перераспределения экономических ресурсов с целью выравнивания уровня развития [1]. При этом, как отмечает в своем исследовании О. А. Миронова, именно на региональном уровне сконцентрированы основные возможности для ликвидации последствий локальных угроз экономической безопасности [2].

Проблемам дифференциации социально-экономического развития регионов посвящены работы многих российских исследователей. Большой вклад в разработку данного вопроса внес известный российский ученый, академик А. Г. Гранберг. Кроме того, значительный вклад в разработку вопросов, связанных со снижением уровня дифференциации регионов как фактора обеспечения экономической безопасности, внесли авторы работ [1–3].

Несмотря на то, что концепция инклюзивного роста достаточно широко представлена в зарубежной научной литературе и активно применяется на практике (например, данная концепция была использована при подготовке стратегии «Европа 2020» [4]), в работах отечественных исследователей данная концепция и ее роль в снижении дифференциации регионального развития недостаточно проработаны.

Материалы и методы

К числу показателей, характеризующих экономическую безопасность как на национальном, так и на региональном уровне принято относить следующие [3]:

– ВВП на душу населения (на региональном уровне, соответственно, ВРП на душу населения);

- удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами;
- уровень преступности;
- уровень безработицы.

Следует отметить, что в настоящее время в мире активно развивается концепция инклюзивного роста, основной целью которой является активное вовлечение в процессы не только производства, но и распределения материальных благ и услуг все более широких категорий населения и снижение уровня дифференциации социально-экономического развития территории. В 2017 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе впервые были представлены результаты расчета индекса инклюзивного развития, представляющего собой интегральный показатель, рассчитываемый на основе 12 величин, объединенных в три группы [5]:

1. Рост и развитие.
 - 1.1. ВВП на душу населения.
 - 1.2. ВВП на одного работника.
 - 1.3. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни.
 - 1.4. Занятость населения.
2. Преемственность поколений и устойчивость развития.
 - 2.1. Скорректированные чистые сбережения.
 - 2.2. Парниковая интенсивность ВВП.
 - 2.3. Государственный долг.
 - 2.4. Коэффициент демографической нагрузки.
3. Инклюзивность.
 - 3.1. Уровень бедности.
 - 3.2. Медианный доход.
 - 3.3. Коэффициент расслоения общества по доходам.
 - 3.4. Коэффициент расслоения общества по распределению богатства.

Таким образом, концепция инклюзивного роста по своему содержанию отражает многие аспекты обеспечения экономической безопасности национальной экономики и снижения степени дифференциации регионального развития.

Результаты

Как было отмечено выше, концепция инклюзивного роста во многом совпадает с концепцией обеспечения экономической безопасности. В частности, совпадает целый ряд показателей, являющихся ключевыми как с точки зрения достижения инклюзивного развития, так и с точки зрения экономической безопасности. Именно в этой связи инклюзивное развитие в настоящее время становится базовой концепцией при формировании комплекса мероприятий социально-экономической политики.

На современном этапе во всем мире лидеры правительств столкнулись с рядом сложных и все более насущных вопросов [6]:

1. С учетом современных (неблагоприятных во многих странах) демографических тенденций и затяжного периода относительно низкого экономи-

ческого роста рождаемости будут ли макроэкономика и демография определять судьбу мировой экономики в обозримом будущем?

2. Может ли растущее неравенство в стране быть исправлено в рамках преобладающего либерального международного экономического порядка?

3. Является ли система перераспределения доходов единственным или основным решением, или имеется возможность разработать механизмы для расширения участия общества в новых формах создания экономической стоимости?

Нетрудно заметить, что все вышеперечисленные вопросы, стоящие в данный момент перед мировым экономическим сообществом, особенно актуальны для нашей страны и ее регионов.

В данной работе проблемы дифференциации уровня социально-экономического развития регионов рассматриваются сквозь призму обеспечения экономической безопасности и инклюзивного роста, являющихся, как было отмечено, сопряженными концепциями.

Обсуждение

В табл. 1 представлены данные о валовом региональном продукте на душу населения в регионах Южного федерального округа, рассчитанные за период 2014–2016 гг. В целях сопоставления и оценки уровня дифференциации территорий в таблице также указаны данные о значении показателя в регионе-лидере и регионе-аутсайдере (по состоянию на 27 апреля 2018 г.).

Таблица 1

Валовой региональный продукт на душу населения
в регионах Южного федерального округа в 2014–2016 гг., руб. [7]

Регион	2014	2015	2016
Республика Адыгея	168 880,1	187 211,1	201 918,1
Республика Калмыкия	165 949,9	185 798,9	201 406,9
Республика Крым	100 526,4	139 873,3	165 433,8
Краснодарский край	328 771,2	352 601,2	363 731,3
Астраханская область	290 822,2	315 996,9	332 447,4
Волгоградская область	279 101,4	290 186,0	292 565,7
Ростовская область	237 465,8	280 522,0	300 186,2
г. Севастополь	78 009,3	119 384,5	151 862,7
Регион-лидер	3 025 745,6	3 336 453,4	3 670 257,6
Регион-аутсайдер	113 224,9	106 955,7	106 756,6

Для расчета коэффициента дифференциации регионов по валовому региональному продукту на душу населения воспользуемся следующей формулой:

$$K_{\text{дифф.}} = \frac{X_{\text{max}}}{X_{\text{min}}},$$

где $K_{\text{дифф.}}$ – коэффициент дифференциации, показывающий, во сколько раз максимальное значение показателя больше, чем минимальное; X_{max} , X_{min} –

максимальное и минимальное значения признака в совокупности соответственно.

Расчеты, произведенные по формуле, показывают, что в целом по России в 2016 г. соотношение максимального и минимального значений ВРП на душу населения составило 34,38 раза. По регионам Южного федерального округа указанное соотношение составило 2,4 раза.

В табл. 2 представлены данные об ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионах Южного федерального округа, рассчитанные за период 2015–2016 гг.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг., лет [8]

Регион	Все население					
	мужчины и женщины		мужчины		женщины	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	72,22	72,59	66,88	67,66	77,51	77,35
Республика Калмыкия	72,15	73,35	67,01	67,78	77,31	78,94
Республика Крым	70,52	70,74	65,28	65,58	75,63	75,76
Краснодарский край	72,53	72,83	67,55	67,85	77,35	77,64
Астраханская область	71,36	72,20	66,10	66,90	76,58	77,43
Волгоградская область	71,98	72,49	66,68	67,26	77,13	77,53
Ростовская область	71,90	72,20	66,90	67,33	76,73	76,85
г. Севастополь	70,67	71,64	64,70	66,14	76,17	77,06

Как следует из данных, приведенных в табл. 2, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионах Южного федерального округа в 2016 г. варьируется в диапазоне от 70,52 до 72,22 года. При этом особую озабоченность вызывает разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин (в 2016 г. максимальное значение данного показателя для мужчин составляет 67,78, для женщин – 78,94, т.е. разница составляет более 11 лет).

В табл. 3 представлены данные, характеризующие уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в регионах Южного федерального округа в 2014–2017 гг. (по состоянию на 27 апреля 2018 г.).

Расчет коэффициента дифференциации по данным, приведенным в табл. 3, показывает, что максимальное значение данного показателя в 2016 г. выше минимального в 1,83 раза. Кроме того, следует отметить, что на протяжении 2013–2017 гг. динамика данного показателя в регионах Южного федерального округа была достаточно нестабильна. В частности, в 2015 г. во всех без исключения регионах округа наблюдалось повышение уровня безработицы.

Таблица 3

Уровень безработицы в регионах Южного федерального округа
в 2014–2017 гг., % [7]

Регион	2014	2015	2016	2017
Республика Адыгея	8,6	8,8	9,0	8,8
Республика Калмыкия	10,9	10,7	10,6	10,0
Республика Крым	6,5	7,2	6,8	6,4
Краснодарский край	5,7	6,0	5,8	5,7
Астраханская область	7,5	7,5	7,6	7,5
Волгоградская область	6,6	7,2	6,8	6,0
Ростовская область	5,9	6,1	5,8	5,6
г. Севастополь	6,9	8,3	6,2	4,6

В табл. 4 представлены данные о демографической нагрузке в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг. (на 1000 занятых).

Таблица 4

Показатели демографической нагрузки
в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг. [8]

Регион	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов					
	всего		в том числе			
			моложе трудоспособного		старше трудоспособного	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	779	802	335	347	444	455
Республика Калмыкия	725	757	375	385	350	372
Республика Крым	808	832	314	324	494	508
Краснодарский край	774	794	322	331	452	463
Астраханская область	756	782	348	360	408	422
Волгоградская область	766	786	298	305	468	481
Ростовская область	749	770	289	297	460	473
г. Севастополь	760	771	281	292	479	479

Как следует из данных, представленных в табл. 4, во всех регионах Южного федерального округа показатель, характеризующий демографическую нагрузку, имеет тенденцию к росту. При этом в 2016 г. максимальное значение данного показателя превышало минимальное в 1,01 раза.

На рис. 1 представлены данные о денежных доходах и потребительских расходах населения по федеральным округам Российской Федерации в 2017 г.

Как следует из анализа данных, приведенных на рис. 1, среди восьми федеральных округов в 2017 г. Южный федеральный округ находится на пятом месте по величине среднедушевых денежных доходов. При этом разрыв

с Центральным федеральным округом (занимающим лидирующее место по величине данного показателя) составляет более 13 тыс. руб. При этом в Южном федеральном округе самое низкое значение соотношения доходов и расходов (табл. 5).

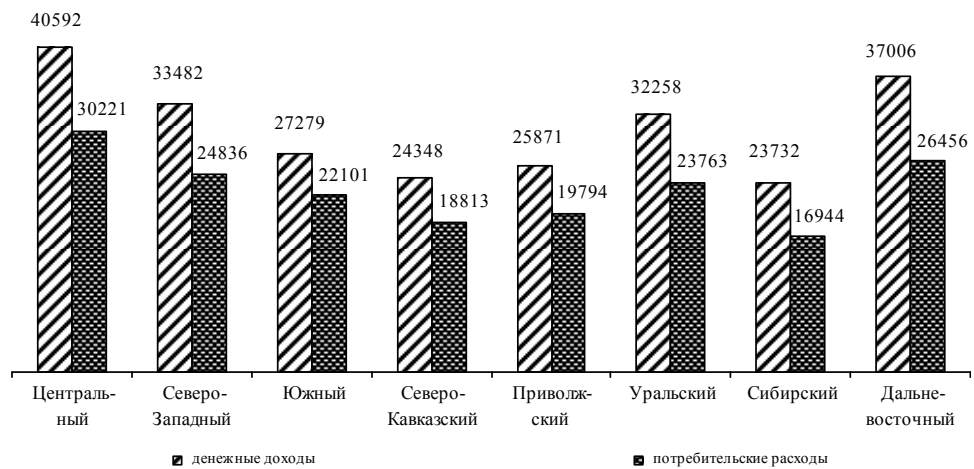

Рис. 1. Денежные доходы и потребительские расходы населения по федеральным округам Российской Федерации в 2017 г. (в среднем за месяц, в расчете на душу населения, руб.) [9]

Таблица 5

Соотношение денежных доходов и потребительских расходов населения в 2017 г. по федеральным округам, раз

Федеральный округ	Соотношение денежных доходов и потребительских расходов
Центральный	1,34
Северо-Западный	1,35
Южный	1,23
Северо-Кавказский	1,29
Приволжский	1,31
Уральский	1,36
Сибирский	1,40
Дальневосточный	1,40

Примечание. Составлено автором.

В табл. 6 представлены данные о численности населения регионов Южного федерального округа с денежными доходами ниже прожиточного минимума.

Расчет коэффициента дифференциации по данным, представленным в табл. 6, показывает, что в 2016 г. разница между регионами с наибольшим и наименьшим значением данного показателя составила 2,69 раза.

Таблица 6

Численность населения регионов Южного федерального округа
с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2015–2016 гг.,
процент от общей численности населения региона [8]

Регион	2015	2016
Республика Адыгея	13,9	13,7
Республика Калмыкия	33,6	31,2
Республика Крым	23,1	22,2
Краснодарский край	11,7	11,6
Астраханская область	14,1	16,2
Волгоградская область	14,7	15,3
Ростовская область	14,0	14,0
г. Севастополь	15,1	13,7

В табл. 7 представлены данные о степени дифференциации по доходам населения регионов Южного федерального округа в 2015–2016 гг.

Таблица 7

Степень дифференциации по доходам населения
регионов Южного федерального округа в 2015–2016 гг. [8]

Регион	Коэффициент Джини		Коэффициент фондов, раз		Децильный коэффициент, раз	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	0,378	0,380	12,2	12,3	5,9	6,0
Республика Калмыкия	0,367	0,365	11,2	11,1	5,6	5,5
Республика Крым	0,308	0,326	7,5	8,5	4,1	4,5
Краснодарский край	0,414	0,415	15,8	15,9	7,2	7,2
Астраханская область	0,394	0,384	13,6	12,7	6,4	6,1
Волгоградская область	0,356	0,344	10,4	9,6	5,3	5,0
Ростовская область	0,392	0,392	13,4	13,5	6,4	6,4
г. Севастополь	0,304	0,361	7,3	10,8	4,1	5,4

Анализ данных, представленных в табл. 7, свидетельствует о том, что наибольшая степень неравенства по доходам в рассматриваемом периоде наблюдалась в Краснодарском крае.

Заключение

Подводя итоги анализа, проведенного в статье, можно сделать следующие выводы:

1. Современная концепция инклюзивного роста не только во многом определяет приоритетные основы развития, но и способствует повышению уровня экономической безопасности. В этой связи, в частности, в рамках Десятого саммита БРИКС, прошедшего в Йоханнесбурге 25–27 июля 2018 г., была обозначена необходимость реализации концепции инклюзивного роста.

2. Проведенный анализ на примере Южного федерального округа свидетельствует о том, что даже в границах близких территориально регионов существуют значительные различия в уровне социально-экономического развития по ключевым параметрам.

3. Концепция инклюзивного роста должна быть основой формирования стратегических документов, определяющих социально-экономическое развитие России и регионов на ближайшую перспективу.

Библиографический список

1. Горбунова, С. И. Дифференциация социально-экономического развития регионов РФ как одна из угроз национальной безопасности / С. И. Горбунова, Е. О. Князькина, А. З. Кремчеева, Е. Д. Кормишкин // Системное управление. – № 2 (3). – С. 13–21.
2. Миронова, О. А. Политика импортозамещения в контексте обеспечения национальной и экономической безопасности России / О. А. Миронова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2018. – № 1 (61). – С. 110–119.
3. Липатова, Л. Н. Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, Е. В. Модин // Управленческое консультирование. – 2016. – № 5 (89). – С. 102–111.
4. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. – URL: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf>.
5. The Inclusive Growth and Development Report 2018. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
6. The Inclusive Growth and Development Report 2017. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>.
7. Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России в 2017 г. (информация по субъектам Российской Федерации). – М. : Росстат, 2017. – 332 с.
9. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2017 году. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641.

References

1. Gorbunova S. I., Knyaz'kina E. O., Kremcheeva A. Z., Kormishkin E. D. *Sistemnoe upravlenie* [System management]. No. 2 (3), pp. 13–21.
2. Mironova O. A. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)* [Bulletin of Rostov State Economic University]. 2018, no. 1 (61), pp. 110–119.
3. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2016, no. 5 (89), pp. 102–111.
4. *Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. Available at: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf>.
5. *The Inclusive Growth and Development Report 2018*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
6. *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>.
7. *Pokazateli dlya monitoringa otsenki effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Indicators for monitoring the performance efficiency of subjects of the Rus-

- sian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
8. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii v 2017 g. (informatsiya po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii)* [Social status and living standards of the population of Russia in 2017 (data by regions of the Russian Federation)]. Moscow: Rosstat, 2017, 332 p.
9. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Yuzhnogo federal'nogo okruga v 2017 godu* [Socioeconomic status of Southern Federal District in 2017]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641.

Краснокутский Павел Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра мировой экономики
и международных экономических
отношений, Донской государственный
технический университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: apologet@mail.ru

Krasnokutskiy Pavel Anatol'evich

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of world
economy and international economic
relations, Don State Technical University
(1 Gagarina square, Rostov-on-Don,
Russia)

Змияк Сергей Сергеевич

доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой мировой
экономики и международных
экономических отношений, Донской
государственный технический
университет (Россия, г. Ростов-на-Дону,
площадь Гагарина, 1)

E-mail: Sergey_zm@list.ru

Zmiyak Sergey Sergeevich

Doctor of economic sciences, associate
professor, head of sub-department of world
economy and international economic
relations, Don State Technical University
(1 Gagarina square, Rostov-on-Don,
Russia)

Володина Надежда Викторовна

заместитель начальника отдела
расследований, Контрольно-финансовое
управление, Федеральная
антимонопольная служба РФ (Россия,
г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 11)

E-mail: nadinvvv@mail.ru

Volodina Nadezhda Viktorovna

Deputy head of department of
investigations, Financial Monitoring Office,
Federal Antimonopoly Service of Russia
(11 Sadovaya-Kudrinskaya street, Moscow,
Russia)

УДК 336.7

Краснокутский, П. А.

Инклюзивный подход как инструмент снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов (на примере регионов Южного федерального округа) / П. А. Краснокутский, С. С. Змияк, Н. В. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 178–187. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-19.